

DOI 10.15826/qr.2017.3.254

УДК 930(470)"19"+94(470)+94(44)+027

**БОРИС ФЕДОРОВИЧ ПОРШНЕВ:
МЕЖДУ РУСИСТИКОЙ И ФРАНКОВЕДЕНИЕМ,
ИЛИ О РОЛИ СЛУЧАЙНОСТИ В СУДЬБЕ ИСТОРИКА***

Тамара Кондратьева

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

**BORIS F. PORSHNEV:
BETWEEN RUSSIAN AND FRENCH HISTORY,
OR ON THE ROLE OF CHANCE IN A HISTORIAN'S LIFE**

Tamara Kondratyeva

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

This article considers the beginning of the academic career of Boris F. Porshnev, an eminent Soviet historian. During his postgraduate studies in RANION (Soviet Social Science Consortium) at the Institute of History (1926–29), he specialised in Russian history and was writing a thesis on public thought in Russia. Later, in Rostov-on-Don (between 1930 and 1932), Porshnev lectured on world history and would work on any projects available. After returning to Moscow (1932), he was going to become an ethnographer; however, instead he got a job at the Lenin State Library, then headed by his teacher V. I. Nevsky. Porshnev wrote texts on a variety of subjects and had no academic preferences. Such diversity was most likely caused by financial reasons (food rationing and high inflation in the USSR). The country witnessed many ideological campaigns; the academic landscape and establishment changed frequently in accordance with ideological attitudes. The choice to pursue an academic career largely depended on social connections, conditions, and chance. For years to come, the historian's destiny was determined by a chain of accidents: V. I. Nevsky's arrest in 1934, Porshnev's resignation from the library in 1935, and his work on editing a translation of *The Memoirs of Cardinal de Retz* (1932–36).

Keywords: history of Russia; history of France; B. F. Porshnev; Lenin State Library.

* *Citation:* Kondratyeva, T. (2017). Boris F. Porshnev: between Russian and French History, or on the Role of Chance in a Historian's Life. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 853–866. DOI 10.15826/qr.2017.3.254.

Цитирование: Кондратьева Т. Борис Федорович Поршнев: между русистикой и франковедением, или О роли случайности в судьбе историка // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 853–866. DOI 10.15826/qr.2017.3.254.

Рассмотрены жизнь и деятельность выдающегося советского историка Б. Ф. Поршнева в начале его академической карьеры. Обучаясь в аспирантуре Института истории РАНИОН (1926–1929), он готовился стать русистом и писал диссертацию по общественной мысли России; в Ростове-на-Дону (1930–1932) его деятельность носила универсальный характер: он вел занятия по всеобщей истории и работал там, где открывались возможности. Показано, что после возвращения в Москву (1932) историк сначала собирался стать этнографом, но затем поступил на работу в библиотеку им. В. И. Ленина, которой руководил его учитель В. И. Невский, и писал тексты на самые разнообразные темы, не имея определенных академических предпочтений. Представляется, что такая разнородность детерминировалась материальными причинами, поскольку в СССР действовала карточная система и была высокая инфляция, а также тем, что в стране окончательно не определились ни политические, ни академические порядки. Выбор академической карьеры зависел от социальных связей, ситуации и случая. Арест В. И. Невского в 1934 г., увольнение из библиотеки в 1935 г. и редактирование перевода «Мемуаров» кардинала де Реца (1932–1936) стали такой цепью случайностей, которые определили судьбу историка на последующие годы.

Ключевые слова: российская история; история Франции; Б. Ф. Поршнев; библиотека им. В. И. Ленина.

Борис Федорович Поршнев (1905–1972) известен прежде всего как франковед, удостоенный Сталинской премии за исследования по истории народных движений эпохи Фронды (1948), и как специалист, стремящийся к системной реконструкции истории взаимоотношений европейских государств. Он не раз удивлял современников и коллег по историческому ремеслу неожиданными движениями в смежные области науки, превращавшимися в генерализирующие социологические и политэкономические построения. Б. Ф. Поршнев вызывал полемику и становился объектом острой критики, что в конце жизни превратило его отчасти в маргинальную личность, занимавшуюся поиском снежного человека, исследованием происхождения человека и реконструкцией истории человечества [Поршнев, 2007].

Сам Б. Ф. Поршнев всегда подчеркивал свое франковедческое научное «происхождение» и на склоне лет позиционировал себя как ученик академика В. П. Волгина, признанного исследователя французского утопического социализма XVIII в. [Поршнев, 1964, с. 20]. Так же считают и его дочь Е. Б. Поршнева, и современные исследователи [Поршнева, с. 548; Вите, с. 5; Гладышев, с. 204; Гордон, с. 184]. На самом деле Поршнев начинал как русист, числился в аспирантуре Института истории РАНИОН и Института истории Комкадемии по секции новой русской истории (1926–1930), был учеником известного большевика и первого директора Публичной библиотеки им. В. И. Ленина В. И. Невского и, вероятно, С. А. Пионтовского

[Кондратьева, 2016, с. 156–171]. Окончив аспирантуру без представления диссертации, он отправился на два с половиной года (январь 1930 – июль 1932) в Ростов-на-Дону, где преподавал в должности доцента кафедры всеобщей истории в Северо-Кавказском комвузе, Северо-Кавказском педагогическом институте и на открытом в 1930 г. в Ростове подготовительном отделении Института красной профессуры, а также руководил аспирантским семинаром в Горском научно-исследовательском институте, проводил исследования в Северо-Кавказском краевом научно-исследовательском институте марксизма-ленинизма и принимал участие в деятельности Северо-Кавказского общества историков-марксистов [АРАН. Ф. 1574. Оп. 4, Д. 90, Л. 4 об.; АРАН СПбФ. Ф. 222. Оп. 002. Д. 290. Л. 3; АРГБ. Оп. 40. Д. 457. Л. 8, 14 об., 19]. Об этом периоде его жизни данных мало. Известно, что в стране, а значит, и вузах и научно-исследовательских учреждениях Ростова в это время активно шла кампания по внедрению марксизма не только в общественные, но и в естественные науки, сопровождаемая проработкой, шельмованием и изгнанием многих преподавателей и профессоров [Пытков, с. 190–198]. Борис Федорович, по-видимому, сторонился этой кампании. Именно так он поступал, по воспоминаниям С. А. Пионтковского, учась в Институте истории РАНИОН, где сам Пионтковский активно стремился вовлечь аспирантов в борьбу со старой профессурой [Дневник историка С. А. Пионтковского, с. 157–158]. В Северо-Кавказском комвузе историк, видимо, вел со студентами занятия по всеобщей истории. Среди сохранившихся документов этого учебного заведения числится лишь одно упоминание о Б. Ф. Поршневе, и речь идет о лекции по истории Французской революции [ЦДНИРО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 41. Л. 2]. В Северо-Кавказском краевом научно-исследовательском институте марксизма-ленинизма он продолжал, по сути, научную тему, начатую еще в Институте истории РАНИОН, – «Троцкизм и вопросы истории русской общественной мысли», сделав ее, как гласит наименование, политически актуальной [ГАРФ. Ф. 2303. Оп. 8. Д. 115. Л. 26]. Сам Б. Ф. Поршнев в 1934 г. о своей преподавательской деятельности сообщал: «Педагогическая работа (1929–1933): ряд курсов и аспирантских семинаров по всеобщей истории в нескольких вузах и комвузах гг. Ростова-на-Дону и Москвы. Специальные и аспирантские семинары по истории Европы до эпохи промышленного капитализма и по истории докапиталистических формаций в С[еверо]-К[авказском] Краевом н[аучно]-[исследовательском] институте и С[еверо]-К[авказском] комвузе» [АРГБ. Оп. 52. Д. 13. Л. 10], «причем изучению общества первобытного, – поясняет он в другом месте, – уделял особое внимание (наряду с феодальным)» [АРАН СПбФ. Ф. 222. Оп. 002. Д. 290. Л. 2]. Там же им была подготовлена, но так и не издана обширная рукопись «Развитие и экономическая природа торгового капитала в XVI–XVIII вв.» объемом в 12 печатных листов (отдельные разделы были «доложены в Северо-Кавказском обществе историков-

марксистов») и прочитан доклад «Проблема общественно-экономических формаций в работах Ленина и Плеханова» [Самарин, с. 78].

Очевидно, что Б. Ф. Поршнев в молодые годы отдал дань теории «торгового капитализма» М. Н. Покровского – этой доминанте советской историографии конца 1920-х – начала 1930-х гг. и уже в Ростове преподавал европейскую, а не российскую историю. Но поскольку преподавание и исследовательская увлеченность и привязанность далеко не всегда совпадают, а в советской версии начала 1930-х гг. преподавание очень часто подменялось разными формами семинаров и сводилось к изложению социологических схем, думается, требуется более обоснованно определить время и тщательно описать обстоятельства обращения историка к европейской и (что для Б. Ф. Поршнева начала 1930-х гг. точнее) франковедческой проблематике.

Причиной отъезда из Ростова стала болезнь. Сам Поршнев указывал: «малярия» [АРАН СПбФ. Ф. 222. Оп. 002. Д. 290. Л. 2 ; Поршнева, с. 549]. Оказавшись в середине лета 1932 г. в Москве и перебравшись для «отдыха в деревню», он предпринимает попытку поступить в аспирантуру Академии наук, которая располагалась тогда в Ленинграде, по специальности «этнография». В письме в академию, датированном 8 августа 1932 г., он честно сообщает, что не имеет этнографической подготовки и опыта участия «в полевой работе», хотя и написал, еще будучи аспирантом Института истории РАНИОН, доклад «Социальная природа шаманства у якутов». Зимой 1931–1932 гг. он пытался проводить исследования о рабстве у народов Северного Кавказа, но они были «отложены из-за отсутствия времени и сил». Связей с учеными-этнографами не имеет, за исключением С. А. Токарева. При этом Поршнев добавляет, что в Ростове вел занятия и имеет хорошую подготовку в области «истории докапиталистических формаций» [Там же]. Последнее упоминание не было случайным, ибо близкие М. Н. Покровскому люди (Ф. В. Кипарисов, С. Н. Быковский, А. Г. Пригожин, М. М. Цвибак и В. И. Равдоникас) в начале 1930 г. пришли к руководству Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), которая тогда являлась главным академическим учреждением страны, и старательно навязывали не только историкам, но и археологам и этнографам учение о пяти сменяющих друг друга экономических формациях («пятичленку») и, под видом единства всемирно-исторического процесса, упрощенные универсалии и унификацию. Согласно их представлениям, раз в истории действуют универсальные законы общественного развития, то миграции, влияния и контакты не имеют существенного значения – люди идут к конечной цели развития автохтонно, в соответствии с универсальными законами [Формозов, с. 49–62]. Видимо, Поршнев хотел обратить внимание на эту, так сказать, политически актуальную сторону своей подготовки.

Экзаменаторами Б. Ф. Поршнева при поступлении в аспирантуру 7 октября 1932 г. были известные этнографы Е. Г. Кагаров и Н. М. Маторин. Его они «сочли возможным зачислить в аспирантуру»,

поскольку соискатель, как сказано в протоколе, «имеет очень основательную подготовку по истории докапиталистических формаций, необходимую при изучении этнографии народов СССР», и отметили «пробелы в знании этнографии народов Кавказа и нового учения о языке (яфетической теории)» Н. Я. Марра [АРАН СПбФ. Ф. 222. Оп. 002. Д. 290. Л. 4–4 об.].

Но аспирантом-этнографом в городе на Неве Б. Ф. Поршнев не стал. За месяц до сдачи экзаменов (5 сентября 1932 г.) он был принят на работу в Публичную библиотеку им. В. И. Ленина «в качестве консультанта в научно-библиографический сектор по разделу истории социализма и рабочего движения» [Самарин, с. 78]. В личном деле Бориса Федоровича, хранящемся в РГБ, есть справка, где сказано: «Дирекция б-ки удостоверяет, что т. Поршнев по ее предложению возвратился осенью 1932 г. в Москву по окончании им в Ростове н/Д обязательной двухгодичной педагогич[еской] работы, связанной с окончанием аспирантуры в Институте истории Ком. академии» [Там же, с. 79]. На основании этой справки А. Ю. Самарин полагает, что В. И. Невский «способствовал возвращению Б. Ф. Поршнева в Москву» [Там же].

История с поступлением в этнографическую аспирантуру и отъезд из Ростова по причине болезни своей и дочери показывают, что к возвращению историка в Москву В. И. Невский, скорее всего, не имел отношения, и оно произошло либо по инициативе самого Поршнева, либо вследствие жизненных обстоятельств. Но то, что именно Невский устроил своего бывшего ученика в библиотеку, где его, как показывает А. Ю. Самарин, будут высоко ценить, не подлежит сомнению. Видимо, все-таки положение Поршнева в библиотеке в первые месяцы было недостаточно определенным, поскольку он не только поступил в аспирантуру, но и два месяца числился аспирантом Академии наук. Свое заявление об отчислении из аспирантуры, отправленное по почте в Ленинград, он датирует 10 декабря 1932 г. [Там же. Л. 1]. Думается, что работа в Москве, где у Поршнева имелось жилье и жили мать, сестра и брат, под руководством симпатизировавшего ему Невского была для историка более привлекательна. На работу в библиотеку была принята и его жена В. Ф. Книпович. Поступив сюда, исследователь, пользуясь при этом связями и влиянием того же Невского, получал возможность работать на заказ и писать для различных издательств и журналов. В материальном плане эта работа давала, думается, больше выгод. Известно, что в СССР заканчивалась первая пятилетка (1928–1932), два последних года которой были отмечены ростом денежной массы, высокой инфляцией, падением жизненного уровня, дефицитом товаров. С января 1931 г. в СССР была введена карточная система снабжения [Осокина, с. 89]. Поршнев, судя по документам архива РГБ, был отнесен ко второй категории граждан, получающих спецснабжение и спецпитание [АРГБ. Оп. 52. Д. 13. Л. 1а, 7, 19, 21, 45, 113]. Учтем, что на каждого иждивенца в семье полагалась половина определенной по категории нормы [Осокина, с. 253].

Б. Ф. Поршнев проработал в Библиотеке имени В. И. Ленина три года, до конца июля – начала августа 1935 г. и преимущественно, как пишет А. Ю. Самарин, занимался разработкой библиотечно-библиографических классификаторов естественных и общественных наук и «общих принципов марксистско-ленинской классификации» [АРГБ. Оп. 51. Д. 98. Л. 2; Самарин, с. 84]. В практическом плане работа должна была привести к созданию новой схемы библиотечного каталога. На эту тему историк делал доклады, написал одну статью и две подготовил к публикации [Там же, с. 79–83].

Однако деятельность Б. Ф. Поршнева не свелась только к разработке классификатора и работе в справочно-библиографическом отделе библиотеки. Историк активно печатался, писал предисловия к публикациям, статьи, рецензии и обзоры. Всего за три года он опубликовал десять работ [Труды Б. Ф. Поршнева, с. 497]. Кроме того, в фонде его учителя В. И. Невского в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (бывшей ГБЛ) есть машинописный «Краткий обзор об успехах науки в СССР с 1928 по 1933 г.» (133 л.). Авторство одной части обзора, озаглавленного «История материальной культуры за 1928–1933 гг.», принадлежит Б. Ф. Поршневу, который описал изыскания и публикации советских археологов, а другой, посвященной филологии, – В. Ф. Книпович. В обзоре Поршнев демонстрирует хорошее знакомство с «теорией докапиталистических формаций», и в нем живо звучат отголоски дискуссий начала 1930-х гг., итогом которых стали печальные резолюции Археолого-этнографического совещания 1932 г., упразднившие археологию как самостоятельную науку. После этого совещания приоритет был отдан социологическим обобщениям вместо конкретных изысканий, а в науке окончательно укоренилась «пятичленка». Обзор Поршнева был сделан накануне волны репрессий, захлестнувших археологию, этнографию и востоковедение. Автор высоко оценивает совещание 1932 г., поскольку оно побуждает «устанавливать общие законы движения отдельных формаций» и преодолевать «прежнюю чисто вещеведческую археологию». В обзоре кратко характеризуются работы и изыскания Н. Я. Марра, В. И. Равдоникаса, И. И. Мещанинова, П. К. Козлова, Н. П. Тихонова, В. А. Городцова, П. П. Ефименко, С. Н. Замятина, М. И. Артамона, А. А. Миллера, А. М. Арциховского, М. К. Каргера и др. [Поршнев, 2010, с. 182–189]. Из десяти опубликованных работ одна – это та самая работа о «новой библиотечной классификации», которую всесторонне охарактеризовал А. Ю. Самарин, два обзора литературы, пять рецензий [Самарин, 80; Поршнев, 1934, № 12, с. 50–55].

В 1934 г., как известно, было опубликовано знаменитое постановление ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров о преподавании гражданской истории в школах, которое окончательно подвело черту под деятельностью М. Н. Покровского, были восстановлены исторические факультеты в университетах и осужден схематизм в преподавании истории и написании учебников [Из постановления Совнар-

кома и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР от 16 мая 1934 г., с. 18]. Перед историками открылась возможность заниматься эмпирическими изысканиями. Марксистская схема оставалась, но она и конкретный материал должны были, по замыслу, органично объединиться или, правильнее сказать, источники должны были органично подкрепить марксистскую социологию истории. Эта ситуация отразилась в обзорах и рецензиях Б. Ф. Поршнева, который всех авторов проверял на соответствие марксизму утвержденного на данный момент образца, приводя соответствующие цитаты из классиков марксизма и Сталина.

Обзоры относятся к 1934 г. Один из них историк написал до выхода знаменитого постановления. Он посвящен деятельности ГАИМК посредством разбора опубликованных ею сборников «Карл Маркс и проблема истории докапиталистических формаций» (1934) и «Из истории докапиталистических формаций» (1933). Автор высоко оценивает деятельность ГАИМК по внедрению в археологию марксистской схемы. Он констатирует, что несколько лет назад археология и этнография претендовали на «независимость» и стремились заниматься эмпирическими изысканиями. ГАИМК под руководством Н. Я. Марра сумела «подчинить» эти науки истории и таким образом встроить древние общества в общую марксистскую социологию истории. По словам автора, «история материальной культуры органически перерастает во всестороннюю историю докапиталистических общественно-экономических формаций». Теперь, воспроизводит он тезис из статьи Ф. И. Кипарисова, археолог или этнограф интересуется не найденной вещью как таковой, а через вещь интересуется историческим процессом и обществом. Собственно, Поршнев проверяет всех авторов сборника на приверженность «учению о формациях» и на соответствие их построений «всей совокупности высказываний» основателей марксизма и И. В. Сталина. По его мнению, задача археологов, этнографов, специалистов по Античности, Древнему Востоку, феодализму состоит в том, чтобы наполнить учение о формациях конкретным материалом, чтобы теория каждый раз находила подтверждение в различных историях. Он находит полезной и совпадающей с материализмом яфическую теорию происхождения и развития языков Н. Я. Марра, упоминает о неверной теории «торгового капитала», но без ее создателя М. Н. Покровского, сетует, что пока недостаточно прозвучала в сборниках сталинская идея революции рабов, которые «в союзе» с варварами обеспечили переход от рабовладения к феодализму [Поршнев, 1934, № 6, с. 32–38].

Совсем иначе написана рецензия на книгу экономиста В. В. Рейхардта «Очерки по экономике докапиталистических формаций», вышедшая уже в 1935 г. Здесь Б. Ф. Поршнев показывает, что он находится на «историческом фронте», где идет борьба с «главным врагом» истории – «абстрактным социологизмом». Рецензент справедливо упрекает автора в незнании истории, конкретных исторических фактов и исторической литературы [Поршнев, 1935, № 3, с. 26–29].

Другой обзор (конца 1934 г.) касается публикаций в «Известиях Академии наук» за 1933 и начало 1934 г. по истории позднего западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени. Всего историком была сделана выборка работ шести авторов из 11 номеров журнала, посвященных европейской истории. Б. Ф. Поршнев очень высоко оценивает все опубликованные работы, считает их «образцами исследовательской техники и научной оснащенности». Рецензенту в них импонируют не только марксистский характер и методология, но и обилие источников и конкретный исторический материал. Безупречными во всех отношениях он находит работы С. И. Архангельского по экономике революционной Англии и В. М. Лавровского о парламентских огораживаниях в Англии, отмечая отдельные недостатки или даже противоречия у остальных авторов [Поршнев, 1934, № 11, с. 42–46].

В 1934 и 1935 г. под псевдонимом В. Пушин Б. Ф. Поршнев публикует две острокритические и даже саркастические рецензии на монографию А. К. Дживелегова о Данте и на перевод «Новой жизни» этого итальянского поэта, выполненный А. М. Эфросом, которому, впрочем, достается не столько за перевод, сколько за предисловие к нему. Публикация рецензий под псевдонимом объясняется тем, на наш взгляд, что все трое – А. К. Дживелегов, А. М. Эфрос и Б. Ф. Поршнев – тогда активно сотрудничали с издательством «Academia». А. М. Эфрос, кроме того, заведовал там отделом французской литературы, который курировал подготовку к изданию перевода «Мемуаров» кардинала де Реца А. М. Гнединой с предисловием и комментариями Б. Ф. Поршнева [РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 188. Л. 1–48]. Обе работы историк считает «немарксистскими», ибо авторы не сумели раскрыть социальную обусловленность творчества Данте, правильно интерпретировать его эволюцию, объяснить очевидное, то есть увидеть за борьбой между гвельфами и гибеллинами борьбу между буржуазией и дворянством, наконец, процитировали, но не сумели понять положение Энгельса о том, что Данте – «последний поэт Средних веков и первый поэт нового времени». Поршнев порицает Дживелегова, в частности, за некритическое использование итальянских авторов, особенно Бенедетто Кроче, которого почему-то предвзято называет «фашистом», хотя тот был последовательным антифашистом [Пушин, 1934, № 6, с. 81–85; Он же, 1935, № 3, с. 87–90].

В начале 1935 г. Б. Ф. Поршнев публикует одновременно две рецензии на две совершенно разные работы. Одна из них хвалебная. Это рецензия на книгу А. В. Ефремова «К истории капитализма в США», в которой автор сумел правильно использовать указание В. И. Ленина на то, что особенность американского капитализма заключается в способности одновременно развиваться и вглубь, и вширь, то есть за счет колонизации свободных и отбираемых у индейцев земель. Поршнев хвалит автора за то, что тот видит в стихийном samozaxвате земель (скваттерстве) форму острой классовой борьбы в американском сельском хозяйстве, которая

переросла в гражданскую войну фермерского и плантационного путей развития капитализма. По мнению Поршнева (со ссылкой на И. В. Сталина), исследование А. В. Ефремова показывает типичность, а отнюдь «не исключительность» американской формы капитализма [Поршнев, 1935, № 2, с. 60–63]. Вторая рецензия – снисходительно-критическая – на «Историю папства» С. Г. Лозинского, которая представляет из себя компиляцию сведений, почерпнутых из трех-четырёх сводных работ. Автор, по выводу рецензента, не сумел связать историю папства с общим ходом западноевропейской истории, показать его место в системе общественных отношений и классовой борьбы, а также значение «христианства как орудия классовой борьбы». Только «невольный показ» автором ересей «как базы революционной борьбы угнетенных классов» вызвал похвалу [Поршнев, 1935, № 1–2, с. 239–241].

Деятельность Б. Ф. Поршнева в библиотеке и его многочисленные рецензии свидетельствуют только о том, что он много работал на заказ. Заказы эти были случайными. По-видимому, никаких исследовательских приоритетов в 1932–1934 гг., которые, напомним, отмечены обесцениванием денег и поиском дополнительных средств существования, у него не было. Он одинаково брался за разные жанры и за российский и европейский материал.

В 1933 г. издательство «Academia», с которым Б. Ф. Поршнев уже начал готовить перевод «Мемуаров» де Реца, собиралось печатать «Литературные воспоминания» известного отечественного критика и поэта-символиста П. П. Перцова (1868–1947). Накануне сдачи воспоминаний в набор издательство решило выпускать книгу с марксистским предисловием и обратилось к Поршневу. На написание предисловия объемом в один печатный лист отводилась всего неделя. Письмо с предложением датировано 17 января 1933 г., а сам текст должен был быть получен издательством «не позже 25 января». Автору предназначался гонорар размером в 400 рублей. Письмо интересно не только тем, что показывает, с какой интенсивностью работал исследователь, но и тем, что содержало установки, которые историку надлежало развернуть в предисловии. От Б. Ф. Поршнева требовалось «дать социологическую характеристику... символизма и модернизма... и социальной обстановки его развития», показать «социально-познавательную ценность» воспоминаний и «противопоставить... оценкам Перцова марксистские характеристики писателей, о которых мемуарист говорит». Описывая «мировоззрение» П. П. Перцова, Б. Ф. Поршневу надлежало показать, что символизм «был реакцией на российское бескультурие и обывательщину», а его «социальной основой было бурное капиталистическое развитие России», также отметить «эстетство», «третирование революционных традиций», «непонимание революционной борьбы 60-х годов», «неумение разобраться» в «боевом радикализме 60–70 гг. и народничестве 90-х гг.», «недооценку Горького», «грубейшую вульгаризацию марксизма» и т. п. [РГАЛИ. 629. Оп. 1. Д. 188. Л. 4]. Не исключено, что все

заказы от издательства «Academia» Б. Ф. Поршнев получал благодаря В. И. Невскому. Именно последний 19 февраля написал краткий (в восемь строк) отзыв на предисловие своего ученика, назвав его «блестяще написанной вещью» [РГАЛИ. 629. Оп. 1. Д. 188. Л. 6]. Вскоре 22 сентября 1933 г. воспоминания были изданы. Б. Ф. Поршнев пишет в издательстве расписку о получении двух экземпляров [Там же. Л. 12].

Думается, что историк быстро справился с задачей: «Литературные воспоминания» П. П. Перцова были изданы в срок со схематичным, в духе рекомендаций, предисловием. Социальный контекст в нем заслонял самих героев мемуаров – Н. К. Михайловского, З. Гиппиус, А. А. Filosofova, Д. М. Мережковского и др., которые рисовались несколько карикатурно. «Новая эпоха», по Б. Ф. Поршневу, оказывалась «за гранью декадентов», которые хоть и были способны «осознать» приближение конца капитализма, но одновременно не видели сил, способных его уничтожить [Поршнев, 1993, с. 5–36].

В 1932 г. издательство «Мир» под редакцией Л. Б. Каменева издает мемуары В. С. Печерина (1807–1885) – выдающегося отечественного антиковеда, поэта, переводчика, публициста, общественного деятеля, радикального мыслителя, католического монаха, иезуита, проповедника, миссионера и эмигранта, которые хранились в рукописном отделе Библиотеки им. В. И. Ленина [Печерин]. Издание имело много недостатков [Чернов, с. 25]. Кроме того, нуждалось в публикации много раз превышающее мемуары эпистолярное наследие Печерина. В феврале 1934 г. В. И. Невский просит директора Государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевича допустить к работе с архивом музея Б. Ф. Поршнева [ОР РГБ. Ф. 369. К 307. Д. 41. Л. 5]. Из письма от 8 февраля 1934 г. Поршнева известному знатоку творчества Н. П. Огарева Я. З. Черняку видно, что историк приступил к своим поискам много раньше, и они не ограничились Москвой. Он пишет:

Ваше письмо привело меня в чрезвычайную экзальтацию. Благословляю Вас как своего доброго гения, и в то же время не могу удержаться от некоторого злорадства по поводу того, что всего несколько дней тому назад Вы еще пытались убедить меня в мифичности печеринского архива. Сообщенные Вами сведения не только очень важны сами по себе, но, безусловно, доказывают правильность всех моих предположений об этом архиве, так же как и факт его благополучного прибытия в Россию, но в то же время ставят новую задачу: благодаря чему рассеялся он на отдельные части, и где находятся части недостающие (для моей темы наиболее важные)?

Я с радостью бросился бы сейчас в Ленинград разгадывать эту загадку по новому следу. <...> Умоляю Вас сделать пока все возможное... в направлении уяснения генезиса этих материалов... Кто доставил их в Пушк[инский] Дом, когда, при каких обстоятельствах – все это очень верно, и каждая малейшая деталь может иметь большое значение. Не допускаю мысли, чтобы и здесь не сохранилось никаких следов, как в Моск[овском] университете [РГАЛИ. Ф. 2208. Оп. 2. Д. 414. Л. 1–1 об.].

Письмо от 17 августа 1934 г. тому же Я. З. Черняку, последнее из известных нам свидетельств, говорит о том, что Б. Ф. Поршнев выезжал в Ленинград, видел письма В. С. Печерина и пытался сделать с них копии [Там же. Л. 3]. Проект, вызвавший столь заинтересованное и живое участие историка, прекратился, думается, по сугубо политическим причинам: в январе 1935 г. газеты опубликовали сообщение о существовании «антипартийной группы историка Невского». Через месяц последовал арест директора библиотеки [Коваль, с. 41], после чего остановились многие ее издательские проекты.

В июле-августе 1935 г. историк увольняется из библиотеки и устраивается на работу в Московское отделение ГАИМК, с которым он сотрудничал в плане изучения «докапиталистических формаций» и «народных движений во Франции XVII в.» с начала 1934 г. [Кондратьева, 2005, с. 185–188; Самарин, с. 90].

Думается, то, что Б. Ф. Поршнев оказался в первой половине 1930-х гг. в промежуточном положении, не могло быть случайным. Отчасти это объяснялось очевидной необходимостью искать дополнительный заработок в годы, когда быстро обесценивались денежные знаки. Служба в библиотеке обеспечивала его и семью только необходимым продуктовым минимумом. Очевидно, однако, что неопределенность диктовалась не только материальными причинами. В стране окончательно не определились ни политические, ни академические порядки. Победа И. В. Сталина в партии еще не была очевидной. Часто менялся академический ландшафт и академический истеблишмент. История с ликвидацией Института истории РАНИОН, которая сопровождалась борьбой с дореволюционными авторитетами, обвинениями и отсутствием защит аспирантов, свидетельствовала: констант нет. Историк, по-видимому, их и не имел. Диссертацию он не написал. В Ростове его деятельность носила разносторонний характер: он работал там, где открывались возможности. Вскоре были развенчаны недавний авторитет и почти классик М. Н. Покровский и его теория «торгового капитализма». Активно шло навязывание учения о пяти социально-экономических формациях. Поршневу, вероятно, было сложно сделать окончательный выбор научной специализации. Он работал в библиотеке и включался в существующую систему социальных связей и коммуникаций. Направления его деятельности зависели от предложений и случайного везения. Работа над вступительной статьей и комментариями к «Мемуарам» кардинала де Реца была просто заказом, так же как поиск писем В. С. Печерина и предисловие к «Воспоминаниям» П. П. Перцова. Б. Ф. Поршнев мог бы и не стать франковедом, если бы не редактирование так и оставшегося неизданным перевода «Мемуаров» де Реца, превратившегося во время работы в МО ГАИМК, а затем и в других учреждениях в исследование истории народных движений во Франции.

Список литературы

- АРАН. Ф. 1574. Оп. 4. Д. 90.
АРАН СПбФ. Ф. 222. Оп. 002. Д. 290.
АРГБ. Оп. 40. Д. 457; Оп. 51. Д. 98; Оп. 52. Д. 13.
Вите О. Т. Борис Федорович Поршнев и его критика человеческой истории // Французский ежегодник. 2005. С. 4–36.
Гладышев А. В. Три советских историка французского коммунизма XVIII в. : Волгин, Поршнев, Кучеренко // Французский ежегодник. 2007. С. 201–214.
Гордон А. В. Великая Французская революция в советской историографии. М. : Наука, 2009. 384 с.
ГАРФ. Ф. 2303. Оп. 8. Д. 115.
Дневник историка С. А. Пионтковского. Казань : Изд-во КГУ, 2009. 516 с.
Из постановления Совнаркома и ЦК ВКП (б) о преподавании гражданской истории в школах СССР от 16 мая 1934 г. // К изучению истории : сборник. М. : [Б. и.], 1937. С. 18.
Коваль Л. М. В. И. Невский : Директор главной библиотеки страны. М. : Пашков дом, 2006. 247 с.
Кондратьева Т. Н. Б. Ф. Поршнев в Московском отделении ГАИМК // Европа : междунар. альм. / отв. ред. С. В. Кондратьев. Тюмень : ТюмГУ, 2005. Вып. 5. С. 185–188.
Кондратьева Т. Н. Борис Федорович Поршнев: начало большого пути // Вестн. Новосибирск. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2016. Т. 15. Вып. 1. История. С. 156–171.
ОР РГБ. Ф. 69. К 307. Д. 41.
Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия» : Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М. : РОССПЭН, 1999. 271 с.
Печерин В. С. Замогильные записки / подг. М. О. Гершензон ; под ред., с введ. и прим. Л. Б. Каменева. Калинин : Мир, 1932. 190 с.
Поршнев Б. Ф. Предисловие // Перцов П. П. Литературные воспоминания, 1890–1902 гг. М. ; Л. : Academia, 1933. С. V–XXXVI.
Поршнев Б. Ф. Важный участок исторической науки // Книга и пролетарская революция. 1934. № 6. С. 32–38.
Поршнев Б. Ф. Западноевропейская история в «Известиях Академии наук» (1933. № 1–10. 1934. № 1–3) // Книга и пролетарская революция. 1934. № 11. С. 42–46.
Поршнев Б. Ф. О новой библиотечно-библиографической классификации // Книга и пролетарская революция. 1934. № 12. С. 50–55.
Поршнев Б. Ф. С. Г. Лозинский. История папства. Т. 1. М., 1934 // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 1–2. С. 239–241.
Поршнев Б. Ф. Новый шаг в изучении истории Америки (Ефимов А. В. К истории капитализма в США. Институт истории Комкадемии. М. : Соцэкгиз. 1934) // Книга и пролетарская революция. 1935. № 2. С. 60–63.
Поршнев Б. Ф. Рецидив абстрактного социологизирования [рец. на кн.: Рехардт В. В. Очерки по экономике докапиталистических формаций. М. ; Л., 1934] // Книга и пролетарская революция. 1935. № 3. С. 26–29.
Поршнев Б. Ф. Мелье. М. : Молодая гвардия, 1964. 240 с.
Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории : Проблемы палеопсихологии. СПб. : Алетейя, 2007. 720 с.
Поршнев Б. Ф. История материальной культуры за 1928–1933 гг. // Вестн. Омск. ун-та. 2010. № 4. С. 182–189.
Поршнева Е. Б. Реальность воображения (записки об отце) // Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории : Проблемы палеопсихологии. СПб. : Алетейя, 2007. С. 539–575.
Пушин В. Наукообразный труд [рец. на кн.: Дживелегов А. К. Данте Алигьери. М., 1933] // Книга и пролетарская революция. 1934. № 6. С. 81–85.

Пушин В. Изысканно-опошленный Данте [рец. на кн.: Данте Алигьери. Vita Nova / пер. с итал., введ. и примеч. А. Эфроса. М., 1934] // Книга и пролетарская революция. 1935. № 3. С. 87–90.

Пырков В. Е. Роль Д. Д. Мордухай-Болтовского в становлении и развитии высшего математического образования на Дону // Проблемы историко-научных исследований в математике и математическом образовании / под ред. А. Е. Малых. Пермь : Изд-во ПГПУ, 2007. С. 190–198.

РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 188.

Самарин А. Ю. Б. Ф. Поршнев: научный консультант Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина // Библиотекосведение. 2014. № 2. С. 77–85.

Труды Б. Ф. Поршнева // Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). СПб. : Алетейя, 2007. С. 496–520.

Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М. : Знак, 2006. 344 с.

ЦДНИРО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 41.

Чернов С. Л. От составителя // Печерин В. С. Apologia pro vita mea : Жизнь и приключения русского католика, рассказанные им самим. СПб. : Нестор-История, 2011. С. 5–40.

References

ARAN – *Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences]. Stock 1574. List 4. Dossier 90.

ARAN SPbF – *Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk, Sankt-Peterburgskii filial* [Archive of the Russian Academy of Sciences. St Petersburg Branch]. Stock 222. List 002. Dossier 290.

ARGB – *Arkhiv Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Archive of the Russian State Library]. List 40. Dossier 457; List 51. Dossier 98; List 52. Dossier 13.

Vite, O. T. (2005). Boris Fedorovich Porshnev i ego kritika chelovecheskoj istorii [Boris F. Porshnev and His Criticism of Human History]. In *Frantsuzskiy ezhegodnik*. Moscow, Kom-kniga, pp. 4–36.

Gladishev, A. V. (2007). Tri sovetских istorika frantsuzskogo kommunizma XVIII v.: Volgin, Porshnev, Kucherenko [Three Soviet Historians of 18th-Century Communism: Volgin, Porshnev, Kucherenko]. In *Frantsuzskiy ezhegodnik*, Moscow, LKI, pp. 201–214.

Gordon, A. V. (2009). *Velikaya Frantuzskaya revoliutsia v sovetской istoriografii* [The Great French Revolution in Soviet Historiography]. Moscow, Nauka. 384 p.

GARF – *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. Stock 2303. List 8. Dos.115.

Litvin A. L. (Ed.). (2009). *Dnevnik istorika S.A. Piontkovskogo* [Historian S. A. Piontkovskiy's Diary]. Kazan, Isd-vo KGU. 516 p.

Is postanovlenia Sovnarkoma i ZK VKP (b) o prepodavanii grajdanskoj istorii v shkolsh SSSR ot 16 mai 1934 [From the Decision of CPC and the CC PCP on the Teaching of History in USSR Schools on May 16, 1934]. (1937). In *Izuchenie istorii: Sbornik*. P. 18. B.m.

Koval, L. M. (2006). *V. I. Nevsky. Direktor glavnoy biblioteki strani* [V. I. Nevsky. The Director of the Main Library of the Country]. Moscow, Pashkov dom. 247 p.

Kondratyeva, T. N. (2005). Boris F. Porshnev v Moskovskom otdelenii GAİMK [Boris F. Porshnev in the Moscow Branch of the State Academy of the History of Material Culture]. In Kondratyev, S. V. (Ed.). *Europe. Mejdunarodniy almanak*. Tyumen. Iss. 5, pp. 185–188.

Kondratyeva, T. N. (2016). Boris Fedorovich Porshnev: nachalo bolshogo puti [Boris F. Porshnev: The Beginning of Academic Career]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Istoria, filologia*. Vol. 15, Iss. 1. Istoria, pp. 156–171.

OR RGB [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Stock 369. List 307. Dossier D. 41.

Osokina, E. A. (1999). *Za fasadom “stalinskogo isobilija”: raspredelenie i rinok v snabzhenii naselenia v godi industrialisazii. 1927–1941* [Behind the Facade of Stalin's Abundance: Distribution and Market in the Provision for People during the Industrialisation Years, 1927–1941]. Moscow, ROSSPEN. 271 p.

- Pecherin, V. S. (1932). *Zamogilniye zapiski* [Notes From Beyond the Grave] 190 p. Kalinin, Mir.
- Porshnev, B. F. (1933). *Predislovie* [Preface]. In Perzev, P. P. (Ed.). *Literaturniye vospominaniya, 1890–1902*. Moscow, Leningrad, Academia, pp. V–XXXVI.
- Porshnev, B. F. (1934). *Vazhniy uchastok istoricheskoy nauki* [An Important Part of History]. In *Kniga i proletaskaya revolyutsia*, Iss. 6. Moscow, pp. 32–38.
- Porshnev B. F. (1934). *Zapadnoevropeiskaya istoria v "Izvestiah Akademii Nauk"* [West-European History in the Proceedings of the Academy of Sciences] (1933, Iss. 1–10, 1934, Iss. 1–3). In *Kniga i proletaskaya revolyutsia*, Iss. 11, Moscow, pp. 42–46.
- Porshnev, B. F. (1934). *O novoy bibliotechno-bibliograficheskoy klassifikatsii* [About the New Library Bibliographic Classification]. In *Kniga i proletaskaya revolyutsia*, Iss. 12, Moscow, pp. 50–55.
- Porshnev, B. F. (1935). S. G. Losinskiy. *Istoria papstva*. T. 1. Moskva, 1934 [S. G. Losinsky. The History of Papacy. Vol. 1. Moscow, 1934]. In *Problemi istorii dokapitalisticheskikh obshestv*, Iss. 1–2, Moscow, pp. 239–241.
- Porshnev, B. F. (1935). *Noviy shag v isuchenii istorii Ameriki* (Rets. na: Efimov A. V. K istorii kapitalisma v SSHA. Institut istorii Komacademii. Moscow, Sozgis, 1934) [A New Step in the Study of American History. Review of: Efimov A. V. On the History of US Capitalism]. In *Kniga i proletaskaya revolyutsia*, Iss. 2. Moscow, pp. 60–63.
- Porshnev, B. F. (1935). *Retsidiv abstraktnogo sotsiologizirovaniya* [Relapse of Abstract Sociologising]. [V. V. Reihardt. Ocherk po ekonomike dokapitalisticheskikh formatsiy. Moscow–Leningrad, 1933]. In *Kniga i proletaskaya revolyutsia*, Iss. 3. Moscow, pp. 26–29.
- Porshnev, B. F. (1964). *Meslier* [Meslier]. Moscow, Molodaja gvardia. 240 p.
- Porshnev, B. F. (2007). *O nachale chelovecheskoj istorii. Problemy paleopsihologii* [On the Beginning of Human History. Problems of Palaeo-Psychology]. St Petersburg, Aleteya. 720 p.
- Porshnev, B. F. (2010). *Istoria material'noy kulturi za 1928–1933* [The History of Material Culture for 1928–1933]. In *Vestnik Omskogo Universiteta*. Iss. 4, pp. 182–189.
- Porshneva, E. B. (2007). *Real'nost' voobrazheniya (zapiski ob ottse)* [The Reality of Imagination (Notes about Father)]. In *Porshnev B. F. O nachale chelovecheskoj istorii. Problemy paleopsihologii*. St Petersburg, Aleteya, pp. 539–575.
- Pushin, V. (1934). *Naukoobrasniy trud* [Scholarly Work]. [Djivilegov A. K. Dante Alighieri. Moscow, 1933]. In *Kniga i proletaskaya revolyutsia*, Iss. 6. Moscow, pp. 81–85.
- Pushin, V. (1935). *Izyskanno-oposhlenniy Dante* [The Exquisitely-trivialised Dante] [Dante Alighieri. Vita Nova. Per. s italianskogo i primechania A. Efrosa. Moscow, 1934]. In *Kniga i proletaskaya revolyutsia*, Iss. 3. Moscow, pp. 87–90.
- Pirkov, V. E. (2007). *Rol D. D. Morduhay-Boltovskogo v stanjvkenii i rasvitii visshego matematicheskogo obrasovaniya na Donu* [D. D. Mordukhay-Boltovsky's Role in the Development of Higher Mathematical Education on the Don]. In Malih A. E. (Ed.). *Problemi istoriko-nauchnih issledovaniy v matematike i matematicheskom obrasovanii*. Perm, pp. 190–198.
- RGALI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Arts]. Stock 629. List 1. Dossier 188.
- Samarin, A. U. (2014). Boris F. Porshnev: nauchnij consultant Vsesoyuznoy biblioteki imeni V. I. Lenina [Boris F. Porshnev, Academic Consultant of the All-Union Library Named after V. I. Lenin]. In *Bibliotekovedenie*, Iss. 2, pp. 77–85.
- Trudi Borisa F. Porshneva [Works of Boris F. Porshnev]. (2007). In *Porshnev B. F. O nachale chelovecheskoj istorii. Problemy paleopsihologii*. St Petersburg, Aleteya, pp. 496–520.
- TSDNIRO – Tsentri Dokumentatsii Noveishei Istorii Rostovskoi Oblasti* [Documentation Center of the Recent History of Rostov Region]. Stock 117. List 1. Dossier 41.
- Formosov, A. A. (2006). *Russkaya archeologia v period totalitarisma. Historiographicheskie ocherki* [Russian Archaeologists during the Totalitarianism Period. Historiographical Essays]. Moscow, Znack. 344 p.
- Chernov, S. L. (Ed.). (2011). *Ot sostavitelya* [From the Compiler]. In *Pecherin V. S. Apologia Pro Vita Mea. Zhizn i priklucheniia russkogo katolika, rasskazannye im samim* [Pecherin V. S. APOLOGIA PRO VITA MEA. The Life and Adventures of a Russian Catholic, Narrated by Himself]. St Petersburg, Nestor-Istoria, pp. 5–40.